

УДК 81'23
ББК 81

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА НА ВЗАИМОПОНИМАНИЕ ДЛЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ (на примере республик Российской Федерации)

Т. Г. Мухтаров

В рамках дискуссии о правовом статусе вторых государственных языков в республиках Российской Федерации следует рассмотреть вопрос о праве коренного (титularyного) народа такой республики быть понятым людьми других культур. Речь идет об одинаковом владении представителями коренного народа (титularyного этноса) и остальных этнических групп языками друг друга. Не так давно достижение подобного идеала являлось лишь мечтой, не достижимой по понятным причинам.

Действительно, в России подобная постановка вопроса имеет очень небольшую историю, ведь на государственном уровне в нашей стране еще во времена СССР было провозглашено, что языком межнационального общения является русский язык, для чего вводилось его повсеместное обязательное изучение. Например, преамбула постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» гласит, что необходимость преподавания русского языка как предмета изучения в школах национальных республик и областей диктуется тем, что в условиях многонационального государства, каковым является СССР, **знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР**, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту [РГАНИ. Ф. 39. Оп. 62. Д. 8. Л. 1–6]. В постановлении нет прямых указаний на привилегированное положение русского языка, но с его практической реализации в регионах постепенно началось ограничение сфер функционирования всех родных языков нерусских граждан России.

Такое закрепление статуса русского языка было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. К числу объективных причин относится достаточно слабое тогда владение народами нашей

страны какими-либо другими языками, кроме родного и русского. Действительно, представителям многочисленных этносов, например, Дагестана будет достаточно сложно понять друг друга без использования некоего «лингва франка», каким может выступить в условиях этой многоязычной республики только русский язык. Субъективной же причиной является то, что руководители страны провозглашали приоритетной задачей создание новой общности — «советского народа». Ими предполагалось, что языком этого советского народа будет русский. Отсюда и происходило повсеместное введение преподавания русского языка, русскоязычного обучения в школах.

Нельзя не признать юридическую уязвимость правового закрепления статуса русского языка как языка межнационального общения. Такой шаг был, по нашему мнению, сделан более из-за субъективных причин (т. е. исходя из политических соображений), чем причин объективных. Исходя из реалий сегодняшнего дня, очевидно проявление низкой правовой культуры в закреплении такой правовой нормы. Дело в том, что, идя на такой шаг, государство, во-первых, вторглось в личное пространство человека. У каждого есть право на выбор в общении на том языке, который он сочтет для себя нужным. Это может быть, конечно, и русский язык, но таким языком может выступать и язык, родной для этого человека. В условиях Республики Башкортостан всегда наблюдалась и считалась нормальной ситуация, когда башкир и татарин общались между собой вовсе не на русском языке. Башкир обращался к татарину на башкирском, а татарин к башкиру — на татарском языке. Чуваш, марийцы предпочитали разговаривать с татарами на татарском языке, так же, как и с башкирами. Выходит, что в подобных случаях игнорировалось постановление о том, что языком межнационального общения должен быть русский.

Совершенно очевидно, что такая противоречивая норма вскоре потеряла свое значение. Хотя на закате СССР и был принят новый закон, по которому русский язык сохранил статус языка межнационального общения, однако в преамбуле данного закона было указано, что «настоящий Закон не регулирует использование языков народов СССР в межличностных неофициальных взаимоотношениях» [Закон СССР от 24 апреля 1990 г.].

Вскоре норма о русском языке как о языке межнационального общения была забыта и никогда больше не была воспроизведена в законах новой России. При этом в тексте закона РСФСР «О языках народов Российской Федерации» наряду с нормами, регулирующими использование языков в различных сферах, также есть норма о том, что данный закон не регулирует отношений в межличностной сфере общения [Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1]. Такая оговорка, по всей видимости, специально была предназначена для того, чтобы оградить новый закон от обвинений о вторжении в личную жизнь граждан.

Исходя из принципа справедливости, то, что происходило в СССР при взаимодействии русского языка и языков национальных меньшинств, нельзя признать приемлемым. Абсолютно невозможно оправдать ситуацию, в которой представитель коренного народа на своей территории бывает вынужден отказываться от использования родного языка в силу навязанных извне причин. Такими внешними причинами, как мы уже сказали, могут быть, во-первых, государственная пропаганда, во-вторых, порицание со стороны иноязычного окружения и, в-третьих, прямое принуждение.

Среди перечисленных причин, очевидно, имеет наибольшую силу общественное порицание со стороны ближайшего окружения. Оно имеет такую силу именно вследствие неформального, межличностного характера. Человек — существо социальное, именно круг его близкого общения помогает ему в каких-то случаях игнорировать государственную пропаганду и противостоять прямому принуждению официальных властей. Однако вступление в конфликт с ближайшим окружением или же соседями грозит изоляцией и другими последствиями. Человек очень восприимчив к порицанию на неформальном уровне. Учитывая прежний уровень коллективизма в нашей стране,

во многом превосходящий сегодняшний, представителям этнических меньшинств противиться давлению иноязычного окружения было практически затруднительно.

Кстати говоря, влияние окружения является основным механизмом ассимиляции представителей этнических меньшинств в многонациональных населенных пунктах. Однако мы сейчас говорим о ситуации, когда дискриминация по языковому признаку является наиболее очевидной, как в случае с коренными народами на территории своего государственного образования. Между тем, как отмечалось выше, каждый народ имеет право быть понятым людьми других культур. А государство, если оно действительно считает принцип справедливости одним из основополагающих, обязано обеспечить это право путем организации обучения языку этого народа представителей всех других этнических групп. В этом и состоит суть права на взаимопонимание.

В чем состоит содержание данного права? Чтобы понимать друг друга без дискриминации, людям разных культур нужно знать язык друг друга. Например, будет абсолютно справедливо разговаривать на татарском языке с татаринцом в Татарстане, если ты сам принадлежишь другой национальности, например, русский, и при этом вырос в Татарстане. Но если ты отказываешься поступать таким образом, то татарину, чтобы поддерживать разговор с тобой, придется перейти на русский язык из опасений, что он не будет понят, альтернативой этому может быть только прекращение диалога. Однако, вынужденно переходя на русский язык, татарин в данном случае лишается права на равноправное взаимопонимание, что означает его дискриминацию. Действительно, иначе как дискриминацией такую ситуацию назвать нельзя. Однако потребуй татарин от собеседника, чтобы тот разговаривал с ним по-татарски, его собеседник может сослаться на то, что татарского языка не знает, ему просто негде было его изучать. И он будет прав, поскольку раньше, действительно, в большинстве русскоязычных школ Татарстана, Башкортостана и других национальных республик России языки титульных народов, как правило, не изучались. Следует признать, что основная ответственность за такое несправедливое положение дел лежит на государственной системе образования тех лет. И поэтому задачей современной системы образования

в этих республиках является ликвидация культурно-языковой некомпетентности населения разных этнических групп. Исходя из этой точки зрения, является абсолютно правильным введение в национальных республиках обязательного изучения в учреждениях среднего образования их государственных языков.

Продолжая выяснение содержания права на взаимопонимание, нельзя не обратить внимание на следующие моменты. Указанное право не может быть истолковано как право на взаимопонимание всех этносов, живущих в конкретной национальной республике или в другом национальном регионе. Данное право относится к коренному (титульному) народу данной местности. К примеру, башкиры, живущие в Республике Татарстан, не должны требовать от местных русских, чтобы те с ними разговаривали на башкирском языке, то же самое касается татарстанских чувашей, марийцев и представителей других народов, поскольку все они имеют национально-государственные образования (республики), где могут реализовать право на взаимопонимание для себя, как и право на самоопределение народов, которое возможно только на исторически занимаемых ими землях. Чеченец, проживающий в Башкортостане, должен понять башкира, говорящего на своем языке, но он не может требовать от башкира в его республике знания чеченского языка. Существует Чеченская Республика, где этот народ реализует свое право на самоопределение и вправе рассчитывать на то, что люди других культур, приезжающие жить в Чечню, захотят изучить чеченский, чтобы понять коренное население. То же самое касается чувашей Татарстана, марийцев Башкортостана: эти народы также имеют свои республики.

Соблюдение данного принципа несет в себе некоторые противоречия в общении у близкородственных народов, особенно живущих чересполосно. Стоит ли, например, татарину Башкортостана учить в школе башкирский язык, ведь, изучая только свой родной, он без труда поймет башкира? То же самое относится и к башкирам Татарстана. Скажем, не легче ли было бы татарам Башкортостана изучать в школах свой родной татарский и не тратить время на изучение близкородственного башкирского. На наш взгляд, в таких случаях необходимо придерживаться единого принципа, согласно которому государственный язык республики

подлежит изучению детьми всех народов, как близкородственных, так и совершенно далеких. Иначе мы можем, на наш взгляд, спровоцировать демагогические рассуждения со стороны тех, кто хочет ущемить право коренных народов на языковое взаимопонимание. Ведь тогда будет очень просто заявить, что если, например, татарам Башкортостана не нужно изучать башкирский, то и представители других тюркских народов в этой республике могут второй государственный язык не изучать. Азербайджанцы, узбеки, туркмены, сибирские, крымские татары, казахи, приехавшие жить в Башкортостан, тогда смогут утверждать, что их детям не надо изучать башкирский, ведь они тоже понимают башкир, поскольку все эти народы относятся к тюркской языковой группе.

Однако что же делать в такой ситуации этническим группам, которые вообще не имеют своих государственных образований или хотя бы автономий? Представляется, что в таком случае на первое место должен выйти не формальный признак наличия государственности у такого народа, а его статус коренного на данной территории. Другими словами, например, сибирские татары имеют такое же право на равноправное языковое взаимопонимание на своих землях, как и казанские татары в Татарстане, а крымские — в Крыму.

Существует еще одна проблема, она касается таких народов как, например, эвенки, которые имеют исконные территории в республике Саха (Якутия). Могут ли они, согласно принципу взаимопонимания, претендовать на право быть понятыми русскими и якутами, живущими в этой республике? Дело в том, что раньше существовал Эвенкийский автономный округ — форма самоопределения эвенков (сейчас — Эвенкийский район Красноярского края). Логично было бы предположить, что право быть понятыми эвенки могут иметь в этом округе, но не в Якутии. С другой стороны, как мы напомнили выше, эвенки — коренной народ в республике Саха. Здесь мы наблюдаем коллизию, столкновение принципов. На наш взгляд, выход из ситуации нужно искать в законодательстве России и Якутии. На региональном уровне такая коллизия может и должна быть решена в законодательном порядке парламентом Республики Саха. Это уже происходит: в 1989 г. в Якутии был образован Эвено-Бытантайский национальный район, в 2005 г. статус эвенкийского

района получил Оленекский улус. В 2008 г. таким районом стал и Жиганский улус.

Итак, говоря о праве коренного народа на взаимопонимание с представителями других этнических групп на своей территории, мы можем констатировать, что общественная мысль еще не сформировала концепцию указанного права. В то же время у М. В. Дьячкова [Дьячков 1992: 123], И. Г. Илишева [Илишев 2000: 3] и у некоторых других исследователей говорится не только о языковых правах, но и о языковых обязанностях. То есть право народа на выбор удобного для себя языка межнационального общения (родного) влечет обязанность представителя другого народа, вступающего с ним в диалог, поддерживать разговор на этом языке. Такая языковая обязанность кому-то может показаться обременительной, несправедливой, а кто-то и вовсе назовет это языковой повинностью. Однако принципы права состоят именно в этом. Например, право человека на жизнь влечет обязанность других людей не лишать его жизни, кроме случаев, установленных законом. Точно так же право народа, человека на выбор языка общения влечет за собой обязанность, по крайней мере, понимать этого человека.

Каковы пределы данных обязанностей? Представляется, что право на взаимопонимание и связанные с ними обязанности отличаются от прав и обязанностей, упомянутых у Дьячкова и других исследователей. В рассматриваемых ими случаях предполагается, что два человека разных культур, один из которых относится к коренному народу, должны говорить на его языке. Наша же концепция предполагает иное. Концепция права на языковое взаимопонимание не требует, чтобы диалог происходил на одном языке. От представителя некоренного народа лишь требуется понимание им того, о чем говорит его собеседник коренной национальности. Но он не обязан отвечать на его языке и поддерживать разговор. Участие в диалоге является личным выбором каждого, и возложение на него каких либо юридических обязанностей бессмысленно. Ведь в таком диалоге ответ может прозвучать как на языке коренного народа, так на любом другом языке, уместном в данной местности и в данной ситуации. Главное в таком ответе — чтобы собеседники понимали друг друга.

Продолжая разговор о различных возможностях практической реализации права

народа на языковое взаимопонимание, обратимся к вопросу об обеспечении государством данного права. Каким должен быть объем обучения местному языку в школах для детей некоренной национальности? Существуют различные модели и различные варианты. В Республике Татарстан, например, положение о равноправии русского и татарского языков было закреплено в ст. 8 ее Конституции [Конституция Республики Татарстан 6 ноября 1992 г.]. Исходя из этого принципа, строилась вся языковая политика. В школах Татарстана на изучение русского и татарского языков выделялось строго определенное, одинаковое время в неделю. Как правило, это были три часа русского и три часа татарского языка.

Иной подход наблюдается, скажем, в Башкортостане. В настоящее время в этой республике изучение второго государственного языка составляет, как правило, всего два часа в неделю. Каковы реальные перспективы в овладении башкирским языком небашкирскими детьми в таких условиях? Вряд ли здесь можно вести речь о том, что такая интенсивность занятий башкирским языком даст им возможность в будущем свободно говорить на этом языке с башкирами. Если для татарских детей в Башкортостане и возможны какие-то перспективы общения (но только в том случае, если они изучают и родной язык), то для русских и детей других национальностей такие перспективы не очевидны. Однако можно надеяться, что 2 часа в неделю на изучение второго государственного позволит в будущем этим детям если не говорить, то хотя бы частично понимать башкирскую речь, читать вывески на башкирском языке, более адекватно воспринимать информацию по башкирскому телевидению и радио. Что же касается взрослых, то сегодня мы можем констатировать, что в отношении них властями республики не ведется никакой языковой политики. Государством не поддерживаются и не организуются курсы башкирского языка для взрослых. Единственное исключение — передача «Я учу башкирский» на Башкирском спутниковом телевидении.

Государственная программа сохранения, поддержки и развития языков народов Республики Башкортостан на 2006–2010 годы не оправдала возлагаемых на нее надежд, проекты создания кружков и курсов по изучению башкирского языка для взрослых не были обеспечены денежными ресурсами,

кадрами и достаточным количеством учебно-методических пособий. Действительный контроль в этой части реализации государственной программы отсутствовал, выделенные же денежные средства на другие мероприятия программы использовались неэффективно и даже не по назначению. Приходится констатировать, что со стороны государства (Республики Башкортостан) до сих пор нет серьезного отношения к проблеме сохранения башкирского языка.

Второй государственный язык страдает от недостаточного внимания властей не только в Республике Башкортостан. Такая ситуация встречается во многих республиках Российской Федерации. Не углубляясь в дальнейшее выяснение причин данного явления, мы можем констатировать необходимость радикальной смены концепции языковой политики в России. Во-первых, главным критерием новой языковой политики должен стать его реальный, а не имитационный, характер. Второй критерий обязательно подразумевает высокую квалификацию исполнителей языковой политики. В-третьих, в реализации указанной политики должно широко участвовать гражданское общество.

Языковая политика должна строиться по ряду вариантов. Если в таких республиках, как Башкортостан и Коми, где доля коренного (титulyного) населения составляет 25–30%, возможно, будет уместна концепция права на языковое взаимопонимание, то в Татарстане, где татар более 50%, по-видимому, сохранится стремление к реальному равноправию татарского и русского языков. Видимо, может быть и третий вариант (например, в условиях Республики Тыва), где право на языковое взаимопонимание может потребоваться уже не тувинцам, а русскоязычному населению. А может быть и четвертый вариант, когда доля титульного этноса в населении республики настолько мала (как, например, в Карелии), что право на взаимопонимание для него становится нереальным, возможно, в таком случае может встать вопрос о существовании собственно данного национально-государственного образования.

Итак, нами была выдвинута концепция права коренного народа на языковое взаимопонимание в пределах его исконной территории. Данная концепция является промежуточной между концепцией равноправия двух государственных языков (модель Татарстана) и концепцией «рыночно-демократического» подхода к двуязычию. Вряд ли можно утверждать, что данная классификация является строгой и законченной, однако предполагается, что изложенная концепция дает альтернативный вариант двум крайним позициям. Принятие предложенной концепции также может способствовать разработке новой стратегии языковой политики в Республике Башкортостан в условиях, когда образовательными стандартами на изучение второго государственного языка отведено мало времени (2 часа в неделю). Несмотря на то, что в научной литературе право коренного народа на языковое взаимопонимание является малоизученной проблемой, при детальной разработке и добротном обосновании данная концепция может, на наш взгляд, претендовать на определение новых принципов в языковой политике российских республик.

Источники

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Литература

- Закон СССР* от 24 апреля 1990 г. «О языках народов СССР» (ч. 2 ст. 4 и преамбула) // *Ведомости СНД и ВС СССР*. 1990. № 19. С. 327.
- Закон Российской Федерации* от 25 октября 1991 г. № 1807-I «О языках народов Российской Федерации» (п. 2 ст. 1) // *Ведомости СНД и ВС РСФСР*. 1991. № 50. С. 1740.
- Дьячков М. В.* Социальные аспекты овладения неродным национальным языком // *Социологические исследования*. 1992. № 5. С. 123–126.
- Илишев И. Г.* Язык и политика в многонациональных обществах: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2000. 334 с.
- Конституция Республики Татарстан* 6 ноября 1992 г. // *Советская Татария*. № 246–247. 1992. 12 дек.